

Сергей СТРАТАНОВСКИЙ

Молотком Некрасова

К Н И Г А Н О В Ы Х С Т И Х О В

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММХІV

А теперь у нас - милотки Некрасова
Гвозди настала пора вколачивать.
Пашко возрает не тот,

да и душа устает,
Ты ленивее, грудь холоднее
А свобода? Вроде вера и была
А сегодня скукотилась.

Сергей Стратановский
2014

Сергей СТРАТАНОВСКИЙ

**Молотком
Некрасова**
книга новых стихов

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММХIV

ББК 84.Р7
С 83

Марка издательства работы
С. Семёнова

ISBN 978-5-89803-242-5

© С. Г. Стратановский, 2014

Как будто вколачивал гвозди
Некрасова здесь молоток.

Осип Мандельштам

I

ЗАМЕТКИ МОРАЛИСТА О ПРОИЗВЕДЕНИЯХ, ИЗУЧАЕМЫХ В ШКОЛЕ

Но убийство случайное
На дуэли, когда убивать не желал,
Тоже грех и тяжёлый.

И тоскует Онегин,
И в тоске путешествует,
 в ярких краях скитается,
Камень тайный, тяжёлый
 сбросить с души пытается.
Что излечит его?
 Вероятно, молитва излечит
И служение людям...
 Ну а любовь не излечит,
Как бы он ни надеялся.

И убийство Грушницкого на дуэли
Тоже грех и тяжёлый,
 хоть этот Грушницкий и был
Человеком бесчестным...
 Но не лучше ли было Печорину
Промахнуться сознательно?

Сказанное, однако,
Не означает, что сочинения эти
Исключить надлежит
 из программы школьной.
Нет, конечно...
 Ведь сказанное всего лишь
Моё личное мнение.

ВОЗРАЖЕНИЕ ДОСТОЕВСКОМУ

Чудо, тайна, авторитет — три кита,
Три слона веры массовой,
Повсеместной,
 и зря сочинитель известный
Русской земли
 утверждал, что католики только
Изначально стояли
 на них как на спинах китовых
Или слоновых
 и не искали для веры
Оснований новых.

Но не только лишь в Риме
Большекупольном, грузном
 с клешнями каменными,
Но и в Москве белостенной
Золотили кумира,
 мимо Христа жили,
Чуда ждали, обманщикам верили.
До поры до времени, разумеется.

О НИЦШЕ

1. Разговор профессоров

Первый профессор:

Франк, Вам, коллега, известный
(И мыслитель весьма интересный, по-моему)
Утверждал, что не так уж тевтонски жесток
Был этот Ницше,
 что фразу: «Толкни то, что падает»
Он сказал не о людях,
 о царствах, утративших мощь, он сказал,
Об эпохах бескровных
 сказал он так резко, коллега.

Второй профессор:

Может быть, и о царствах,
 но сам он, я думаю, знал,
Что задел Человека.

2

Отразился в учителе ученик:
И, листая теперь «Заратустру», вдруг
Слышишь море далёкое,
 гул нарастающий слышишь,
Чуешь чаек испуг
 и в порывах ветра
Гимн буревестнику различаешь.

3

Мужество Ницше:
 перед болезнью огромной
Оказавшись однажды,
 он сделал пожизненным домом
Эту болезнь,
 отказавшись от помощи Божьей,
Отвернувшись от ангелов.

Да, это мужество, но и гордыня его.
И в гордыне безмерной
 он звал идиотом Того,
Кто желал одного:
 возвращения к Богу заблудших.
Кто принёс себя в жертву
 за всех неуспевших покаяться.
А о власти несметной
 существ изо всех наилучших
Никогда и не думал.

МОНОЛОГ ХАЙРЕМА МАКСИМА — ИЗОБРЕТАТЕЛЯ ПУЛЕМЁТА

Я — Хайрем Мáксим, изобретатель,
Из родной мне Америки
 вынужден был уехать,
В Старый Свет уехать,
Ибо мой пулемёт, смертомёт из металла и логики,
Был не нужен Америке.

Но зато был он нужен
 британцам, германцам и русским
Для убийства зулусов, японцев, китайцев, индусов,
А потом и друг друга...
 Так и вломилась как вор
В мир — смерть серийная.

Бесконечно познание,
 но в нём — не одно созидание,
А порой разрушение,
 с кровью глубинная связь,
С липкой грязью окопной,
 с непогребёнными трупами.

Но ведь это — прогресс,
 а прогресс — это воля и власть
Над людьми и науками.

Да, я слышал... ахимса...непричинение боли
Никому из живущих...
 Но это лишь вымыслы дикие
Темнокожих пророков...
 Войны-то были всегда.
Мир пронизан насильем,
 и его не исправят бессильные
Джентльмены индийские.

**ПОСЕЩЕНИЕ ИМПЕРАТОРОМ НИКОЛАЕМ II
РУССКОГО ГОРОДКА В ЦАРСКОМ СЕЛЕ
12 ФЕВРАЛЯ 1917 ГОДА**

День был пасмурный, хмурый,
но Государь император
Прибыл со свитой и дочерьми ровно в три
Пополудни, и у ворот его встретили
Ктитор собора полковник Ломан
И полковник Андреев, его помощник.

В Тёплых сенях Государь император увидел
На стене изречение о нашем грядущем спасенье,
Изобилie плодов,
изобилie цветов многокрасочных,
Кистью умелой изображённых.

Дальше по переходу
изображенья иные —
Птицы там золотые.
Ну а в Палате Предтрапезной
Посолиднее росписи:
царь в окруженье бояр:
Взор из плоскости —
грузный на фоне багровом.

Дальше в Трапезной — рай.
Там на сводах — деревья цветущие,
Львы стерегущие, Сирины, что-то поющие,
Рай, одним словом.

Государь император остался доволен увиденным.
«Бог вам в помощь, — сказал он, —
трудитесь над возрожденьем
Красоты прежде бывшей
и на дне Светлояра погибшей.
Бог вам в помощь, изографы, резчики, зодчие
И, конечно, рабочие».

Птицы дивные
 смирно на сводах сидели.
Царь ушёл.
 Оставалось всего две недели
До Революции русской.

УМИРАЮЩИЙ ПЛЕХАНОВ

Посреди Революции, в осуществленной надежде
Жизни всей
 появиться, приехав спешно
Из изгнания швейцарского.

Появиться, вернувшись, и оказаться
Не у дел и ненужным.

На обочине жизни,
 в Царском Селе поселиться,
Стать недужным, перенести унижение
Обыска
 и, от матросов угрозы
Выслушав, ясно себе сказать:
«Что ж... Пускай расстреляют».

Не расстреляли... Ленин, об этом узнав,
Разрешил подлечиться...
 И вот он теперь — в Териоках,
В ближней Финляндии, не в России.

Тихо здесь... сосны... и ветер весенний с залива.

Что ж... Пора умирать...
 Ничего в этом страшного нет.
Просто выключат свет,
 просто атомы тела войдут
В тело вечной Природы.

Пантелеев Лёнька — известный вепс
(А из вепсов — не много людей известных)
Был чекистом сначала,
но в кожу налётчика влез
Без зазора,
хоть есть подозренье, что он
Был направлен, внедрён
в зону мглистую
Грабежа и убийства, но быстро
Стал независим,
вышел из-под контроля
Кожаных курток
и питерской цепкой милиции.

Был убит в Семенцах*, на квартире какой-то девицы,
Катьки блоковской сестрицы
и как та — толстоморденькой.

А за Обводным, в соборе,
Есть икона подвижника, инока, схимника,
Вепса иного, святого,
Александра Свирского, основателя
Всем известной обители.

На конференции в Ницце
был доклад о загадках, о тайнах
Вепской души,
и доказывал некто, что Лёнька

* Семенцы — исторический район Петербурга, в прошлом — место дислокации Семёновского полка. Примыкает к Обводному каналу.

Тенью был воплощённой,
изнанкой души, скверным зеркалом
Того самого схимника.

Может и так, но не хочется,
Чтобы так оно было.

ШАХТИНСКОЕ ДЕЛО

Кто тогда открестился?

Плечами пожал и сказал:

«Что ж... Возможно, агенты
Бывшей Антанты

или поляков нынешних.

Интеллигенты... Нельзя доверять... Заграница
Еженощно им снится».

Кто из честных партийцев

так вот подумал, сказал?

Оппозиция правая:

Рыков, Бухарин и Томский

До суда так сказали.

А на суде кто сказал,

что всегда презирал,

ненавидел даже

Инженеришек этих,

в руках молотка не державших,

В шахтах редко бывавших,

зато за границей бывавших

И сигары куривших,

и поэтому сильно надеялись

На вредительство их

англичане, французы и прочие...

Так сказали рабочие,

Так сказали шахтёры в глаза

Своим бывшим начальникам.

Пролетариат так сказал.

Ну а кто на суде
на своих же в испуге клепал,
Чтобы как-то, но жить?
И такие там были. Известно.
Но не нам их судить.
Мы не гулом наполненный зал,
Гневный зал,
ненавидящий инженерство.

И в Кремле человек,
по ночам не смыкающий глаз,
Мастер зла
и глядящий вперёд далеко,
Осознал,
что отныне крепка его власть,
А злодейство — легко.

ПАВЕЛ КОГАН

Что за Роджер весёлый,
 когда по Москве аресты
И теряют невесты
 своих женихов перед свадьбой?
Страшно, мерзко...
 И может быть, лучше война,
Лучше враг всем известный,
 чем ночью чудовищный стук
В дверь к соседям,
 а за окном крик пронзительный,
Крик истошный и ругань,
 и свет крошечный,
Свет от фар. Отъезжают, и стёкла дрожат,
 И бокалы дрожат на столе без скатерти,
Грязные после пирушки дружеской,
 Что была накануне.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ

Звуки манящие: Тахо, Дуэро, Эбро.
Реки мирные,
 через войну текущие,
Через страну,
 и к войне непричастные вроде бы.

Звуки щемящие:
 Эбро, Дуэро, Тахо.
Где-то там за окопами
 вьётся тропа Дон Кихота.
С кем он, однако?
 С фалангистами или троцкистами?
Может быть, с анархистами?
 (Есть и такой вариант.)

Или может, их двое?
 Двое братьев, враждующих ныне,
И река между ними,
 через вражду их текущая,
И неважно какая...
 Может Эбро, а может быть, Тахо.

Был ли подобный Маресьеву
лётчик-герой, но на той
Стороне, среди асов Германии?

Был, — мне сказали
(хоть имя его не назвали).
Был такой лётчик, был...
Он Варшаву и Киев бомбил.
Сеял смерть повсеместно
и ярость атаки любил.

Вотан древний, бог воинов,
в тот год громыхал в небесах,
И германские асы
молились ему перед вылетом.
И он тоже молился
ему, громобойному богу,
Когда, раненный в ногу,
боль пересилить пытался.
Но возникла гангрена,
и ногу отрезали сразу.

Стал ходить на протезе,
но вскоре, подобно Маресьеву,
В строй вернулся,
на свой истребитель и в бой
Устремился во имя
своей ястребиной Германии.

Несмотря... Тем не менее...

Множество оговорок

В разговоре о нём.

Кто он? Судьбы победитель?

Вдохновенный воитель?

Или убийца, губитель?

Нет на это ответа.

AN MARIECHEN*

(реплика на стихотворение Ходасевича)

Не сбылось, слава Богу,
 не случилось потом с ней, с Марихен.
То, что тайно желал
 для неё, Марихен,
Тот поэт из России,
 в Берлине в то время живший,
Завсегдатай пивной, где она
То за стойкой стояла,
 то кружки пивные мыла.

Не сбылось, слава Богу...
Вышла замуж потом она,
Обрела счастья дольку,
Родила мужу дочку,
 и назвала своим именем.

И вот потом её дочку
 изнасиловали и убили
В сорок пятом году,
 в придорожном лесу под Берлином,
Ночь спустя
 после гибели рейха вампирного,
В полдень мира руинного.

Так сбылось пожеланье,
Сбылось во втором поколеньи.

* К Марихен (нем.)

Поле погибших — четырёхслойка громоздкая
Павших в битве давнишней.

Первый слой — ополченцы,
Второй — мужики из Сибири,
Третий слой — моряки,
А четвёртый... Четвёртый — не помню,
Новобранцы, возможно.

Говорят, что воскреснут,
Но если так, то сначала
Те, кто сверху, воскреснут,
А кто внизу — те попозже.

Если в смерти порядок
Определённый,
то в день воскресения тоже
Соблюдать его надо.

ЗАБРИСКИ ПОЙНТ
(Фильм Антониони)

Как бамбуковой палкой по голове,
Как ворвавшийся ветер
 по вешней листве и траве —
Такова Революция,
 в чёрную кожу одетая.
(На груди у неё — цветок огненный)

И бунтуют студенты,
 сжигают повестки армейские.
(Аргументы их веские —
право на жизнь и любовь)
И должны полицейские
 усмирить их, но не огнём — водомётами.

А потом — похищенье
Самолёта учебного
 и полёт в голый край, чёрствый рай.
Из стерильного мира
 в пустыню ближнюю,
В мир, затерянный вроде бы,
 главный сбегает герой.
Встреча с женщиной там,
 обретение радости там,
А потом — возвращенье
В повседневность и гибель героя экранного,
Смерть от пули
 и женщины дикая месть:
Взрыв на ранчо
 в горах, где когда-то апачи,
А теперь бизнес-клерки...
 Но не в реальности месть,
А в желании ярком...

Серия взрывов как весть
Из грядущего времени
о небоскрёбах в Нью-Йорке,
Погибающих в пламени
после атаки Аль-Каиды.

II

А теперь у нас — молотком Некрасова
Гвозди настала пора вколачивать.
Только возраст не тот,
 да и душа устаёт.
*Ум ленивее, грудь холодней**,
А свобода? Вроде вчера и была,
А сегодня скукожилась.

* Строка из стихотворения Некрасова «Что ни год уменьшаются силы».

В деревне басенной,
 ну той, где баобаб
Растёт до неба,
 где мужик пытливый
Залез на небо, в рай вошёл,
А там — без баб, без баб,
 и только пиво, пиво...
И кислое вино, и ходят без портов,
Общаются без слов, и вообще тоскливо,
Как и в деревне, впрочем...

Дело долга и совести —
 крестный облёт вертолётными
Православных обителей,
 всех в управляемой области.
Коллективный залёт,
 чтобы все обыватели видели
Благочестье начальства,
 когда оно тайно печалится,
И тогда с ним случается:
 в храме на службе стоянье,
И чай с настоятелем,
 (в пост — сухари монастырские),
Ну и просьбы настырные
 к Богу о росте доходов,
Иногда покаянье
 и непритворное вроде бы...

БИЗНЕС-СОБОР

Вот он — бизнес-собор:
симбиоз православного сна
С липким взглядом завистливым
на небоскрёбы нью-йоркные:
Бизнес-соты комфортные
и прибамбасы престижные.

Кто придумал всё это?
Кто в узел единый связал
То, что тайно и свято,
и шумно торгующий зал,
И конторы с ним смежные?

Да никто не придумал.
Само получилось, срослось...

БОМБИЛА

Перед гибелью города
я, у руля бомбила,
Зашибаю бабло,
вывозя население из города,
Насекомье из города,
в область, в ближайшую местность
Наименьшей опасности.

Может, вдруг и погибну
со всеми наличными или
Не погибну всё же,
а выстрою дом комфортабельный,
Прочнокровельный, с окнами
На все стороны света.
Хату свою на краю
Катастрофы всеобщей.

АВТОПОДСТАВЩИК

Вот и погиб под колёсами,
 не рассчитав что-то, видимо,
Автоподставщик удачливый
 (не поставщик — вы не путайте!).
Вот его Ватерлоо.

И напишут на склепе,
 что был он умелым мошенником,
Но исчез под колёсами
 автозверя — нелепо, случайно,
Что, конечно, печально,
 но так уж устроена жизнь.

Мёртвый посреди шоссе.
Кто-то сбил и уехал,
и вот он лежит, отдыхает.

Ну и пусть отдыхает,
не везти же в морг.
Да и где этот морг...
Да и обивка в машине
Будет сильно попорчена.

А в полиции скажут:
«Да вы сами его и убили,
Если нет — докажите».

Так что мимо езжай, не влипай.
Ну а он пусть лежит, отдыхает.

Тем, кто в нашем районе
аллею берёз вдруг
Уничтожить нацелился, я сказал,
Твёрдо сказал: «Предъявите билет порубочный».

Предъявили: всё правильно, всё по закону,
Все печати, все подписи...

Тем, кто в нашем районе
бездомных собак вдруг
Истребить вознамерился, я сказал:
Твёрдо сказал: «Предъявите билет отстрелочный».

Предъявили: всё по закону, всё чисто.

Я сказал: «Предъявите билет поимочный
(Так он, кажется, называется)
На поимку бомжей,
с целью их ликвидации в будущем».

Отказались. Сказали: «Нет у нас ещё
Этих билетов,
но жители просят, и мы,
По их просьбам настойчивым каждый день
Производим зачистку».

ЯВЛЕНИЕ КИПРИДЫ

Видишь: на остров офшорный,
в полдень тяжелозмейный,
Секс-богиня выходит на берег пляжный,
Из лазурности водной
она выходит,
Мокровласка без плавательного костюма.

И по пляжу дежурный
встречает её с цветами,
А потом появляются папарацци,
Фотографируют спешно
и размещают потом
На обложках журналов
и в Интернете, конечно,
Фотографии эти.

Суетой утомлённая,
она возвращается в море.
Не навек возвращается. Через год
Она снова появится
летом золотозмейным,
Но на пляже соседнем.

БИЗНЕСМЕН ПОУЧАЕТ СЫНА

Жить — это ездить в Америку,
в Африку — на сафари,
Оттянуться на Кипре...
Жить — это значит хранить
Деньги в банке швейцарском.

Ты с годами всё ближе
к взрослой жизни,
жизни опасной, не спору,
Но насыщенной всё же
счастьем вещным,
столь мощным,
что всякие прочие радости
Рядом с ним несущественны.

Дева-Обида и Дева-Протест —
сёстры кровные
Шьют себе платья модные,
шьют у Диора во Франции,
Чтоб в Москве и окрест
люди умные,
Креативные то есть,
о них говорили и спорили
О их ликах, не платьях,
хоть иногда и о платьях.

Дева-Обида и Дева-Протест суть эмоции
Аллегории их,
но не голые,
А престижно одетые,
с шиком парижским одетые.

Так в Москве,
иногда в Петербурге. В провинции
Всё иначе, конечно.

БЕРНГАРДОВКА

Несколько лет
Мы с женой отдыхали на даче
В Бернгардовке, неподалёку от леса,
Мусорного на опушке,
но в глубине всё же чистого.

А за ним было кладбище и шоссе,
Вдаль уходящее,
вдоль перелесков и стрельбища.

Вспомнил я, что когда-то,
безусым студентом будучи,
Был я там.
Нас возили туда
На учебные стрельбы.

А потом вдруг случайно
Я узнал, что на том полигоне учебном
Были расстрелы,
что там в двадцать первом году
Гумилёв был расстрелян.

Так вот повсюду земля
Полнится смертью, и не уйти никуда.
В перелесках не спрятаться
и за дачной оградой не спрятаться.

НА КЛАДБИЩЕ

На мраморном кресте
 чиновничье лицо
Пустынноглазое...
 Не следовал Христу
Он в своей жизни...
 Взяточником тоже
Как прочие бывал,
 и прочие грехи
Гнездились в нём,
 но не о том стихи.
Стихи мои о том,
 что он на смертном ложе
Раскаялся во всём,
 а после смерти даже
Внезапно вытеснил с богатого креста
Распятого Христа,
 но не насмешкой всё же,
Не иронически закончу я стихи,
Поскольку каялся он искренне, похоже.

ПОПЫТКА ЗАРЕГИСТРИРОВАТЬ НОВУЮ РЕЛИГИЮ

В Комитет по Духовности
от Постоянных Стяжателей
Духа Божьего
просьба без пафоса ложного,
Без елея прошение
выделить им помещение
На окраине города.

Отказали. Сказали:
«Вы докажите сначала,
Что от Бога ваш Дух,
что в нём Истина.
Пригласите экспертов —
пусть сделают заключение.
Предъявите нам справки,
тогда и дадим помещенье,
А пока что — гуляйте».

Конрадом Валленродом*
Он себя ощутил
 став партийцем,
В общность совести толстой
Вступив,
 как вступил Валленрод когда-то
В Орден Тевтонский
 с целью его разрушенья.

Не случилось, однако.
 Партия, взяв в оборот,
Год за годом ломала,
 хоть до конца не сломила.
И помимо партийных,
 кое-что из вполне позитивных
Дел в его биографии было.

А теперь он на пенсии,
 стар и покаяться мог бы
В жирной лжи
 и служении идолу ложному,
Но не станет.
 Он горд и считает себя
Валленродом по-прежнему.

* Конрад Валленрод — герой одноимённой поэмы Адама Мицкевича.

Либеральные критики
Сдержкин с Противовесовым...
Принято иронизировать
Над их речами: мол, ничего не изменится
Ни в быту, ни в политике,
и с большинством стоеросовым
Никогда им не справиться.

Как гнетёт одиночество
в центре, казалось бы, жизни,
Когда слово твоё
ничего не меняет в жизни,
Осыпается, вянет...
А ты продолжаешь всё то же
Говорить по инерции.

Болен человек, болен...
Потребляет наркотики
и виноват, что болен...
А в верхах рассуждают,
что делать с такими больными,
И говорят, что тюрьма исправит
И могила исправит,
Ну а лечение — роскошь.

Смотрит в нас Пустошь
Смотрит глазами пустыми.

Где же, однако, рабочий класс
Тот, что когда-то
Стачки устраивал,
митинговал со знамёнами,
Лучший мир во всём мире
построить намеревался?

А теперь вот с заводов
Свозят в автобусах,
под угрозой уволить сгоняют,
Всех на площадь
на митинг в защиту имущих,
Власть имущих и деньги имущих.
И никто не противится.

Горе необщее
И необщие беды
 с народами, рядом живущими,
Часто бывали в прошедшем веке.
И поэтому трудно таким народам
Через границы
 всматриваться друг в друга.

Сближает ли беда? Когда она одна,
Одна для всех, сближает, вероятно.
Но беды разные достались им тогда,
В прошедшем веке.

ЯВЛЕНИЕ СОФИИ

Мудрой стоматологии
Фирма есть на соседней улице,
Фирма «София» по имени
и предлагает услуги
По лечению зубов,
по отбеливанию
Этих зубов
и другие на платной основе услуги.

Так вот душа мировая
или София надмирная
С Логосом, братом своим,
рассекая эоны, сияя,
К нам пришла, в нашу жизнь,
На соседней улице поселилась.

Ад современный:
 бледный, коммерческий свет,
Скрип каталок...
 По Лабиринту стерильному
В них провозят погибших
 и просто усопших провозят.
Только что бывших
 везут через двери хищные
В Коридор Бесконечного.

Оформление — длинно,
 хотя и бумаг уже нет.
Всё сегодня в компьютерах —
 аккумуляторах вечного.

Отпеваньице, урночка...

Ну а в урночке — что? Пепелёк лёгкий,
А не пепел довлеющий... И скрадывается серьёзность
Слов о смерти... И добавляется к ним
Ложка чайная патоки.

ПАМЯТИ о. ПАВЛА АДЕЛЬГЕЙМА

Не стоит без праведника село,
Не стоит и город
 да и земля вся.
Вот убили его,
 и Господь не спас.
Смертью питается Пустота,
По земле расплзается Пустота.

ПАМЯТИ БОРИСА ПУСТЫНЦЕВА

Умер Пустынцев.

 Это он в пятьдесят шестом
Протестовал против ввода войск
В Венгрию.

 Был осуждён и провёл
Свою молодость в лагере.

Умер Пустынцев.

 Умер, когда произвол
Вновь у порога
 и в новый поход трубят трубы.

ПАМЯТИ НАТАЛЬИ ГОРБАНЕВСКОЙ

Умерла Горбаневская.
 Не дожила, слава Богу,
До позора страны,
 до возвращенья того,
Против чего со своими товарищами когда-то
Она вышла на площадь.

Сеятели свободы
 зря семена, что ли, сеяли?
Где же всходы, пусть поздние?

Храм православный в Париже
для чего нам строить?
Кроме слов, давно мёртвых,
что нам сказать ныне миру?
Чем удивить, в самом деле?

Были когда-то насущными
речи о счастье грядущем
И всеобщем, но и они устарели.

Слава в вышних Богу
и на земле мир.
Бог-дитя в колыбели,
с дарами идут волхвы.
Спешат и не знают,
какая однажды толпа
Устремится глядеть
на дары их дивные
В храм имперский Москвы.

А потом те же люди,
из той же толпы,
Возжелают войны
в возбужденье нервном,
Новой, долгой
с народом единовѣрным
Полнокровной войны.

Слава в вышних Богу
и на земле мир.

Тихий зверь по имени мирумир
В каждом был зоопарке,
а некоторые и дома
Эту особь держали,
кормили, гулять выводили.
Словно кот он мурлыкал,
и дети его любили.

А потом мирумиры
постепенно старели, дряхлели,
Умирали, а кое-кого и убили.
И не стало их больше.

И вот теперь новый зверь,
Не бессильный и тихий,
а хищный и агрессивный,
Стал любим повсеместно
и скалит клыки повсеместно.

Библионочь над Россией.
Библиотеки массовые,
Городские и сельские,
ну и научные разные,
Двери свои распахнули
в ожиданье ночных посетителей.

А за Россией, на юге
ночь тревоги,
ночь ожиданья вторженья
Братьев-воителей..
И не нужны уже книги.

Странно: котлеты по-киевски
всё ещё в пищеточках есть.
Да и борщ украинский
кто-то ведь варит, ест.
Этот кто-то — враг, отщепенец, хлыщ...
Не дано ему ощутить всю мощь...
И слабó ему убивать.

Зубы синие, зубы зелёные,
зубы, сияющие бриллиантами —
Вот какая у нынешних бизнесменов
Скалозубая мода.

А ещё нынче мода
На одежды звериные:
шкуры тигриные, львиные
И на запахи трупные.

Вызывающий Бога
 лишь эхо услышит в ответ.
Или всё-таки Свет,
 иномирный,
 его озарит внезапно?
И увидит он Свет,
 а не Суд чернокрылый с раскрытыми
Книгами судеб...
 И не за облаком Царство
Из фольги и картона.

Длится суббота Бога:
 Мир сотворён и отдан
Во владение людям,
 и Человек, а не Бог с тех пор
Полноправным хозяином буйнотравной
И проблемной планеты
 стал с тех пор.

Газы убойные, бомбы,
 бранеакулы в морях
И по суше ползущие бронезавры —
Вот дела рук его.
 (Рук Человека, не Бога.)

Газы убойные, бомбы...
 Длится суббота Бога,
Длится сон Его звёздный,
 и поэтому зреет в умах
Мысль о новом Спасителе.

Сознание — зеркало.

В него глядится Бог.

В нём отражаются созвездья смертостойкие,

Но вдребезги его вдруг кто-то разобьёт,

В межзвёзде выбросит, и в мусоре небесном

Копаясь, словно бомж,

найдёт однажды Бог

Осколки острые,

сохранности достойные.

СОДЕРЖАНИЕ

I

Заметки моралиста о произведениях, изучаемых в школе	7
Возражение Достоевскому	8
О Ницше	9
Монолог Хайрема Мákсима — изобретателя пулемета	11
Посещение императором Николаем II Русского городка	12
Умиравший Плеханов	14
«Пантелеев Лёнька — известный вепс...»	15
Шахтинское дело.....	17
Павел Коган	19
Гражданская война в Испании	20
«Был ли подобный Маресьеву...»	21
Am Marielchen (<i>реплика на стихотворение Ходасевича</i>).....	23
«Поле погибших — четырехслойка громоздкая...»	24
Забриски Пойнт (<i>Фильм Антониони</i>)	25

II

«А теперь у нас — молотком Некрасова...»	29
«В деревне басенной...»	30
«Дело долга и совести...»	31
Бизнес-собор	32
Бомбила	33
Автоподставщик	34
«Мертвый посреди шоссе...»	35
«Тем, кто в нашем районе...»	36
Явление Киприды	37
Бизнесмен поучает сына	38
«Дева-Обида и Дева-Протест...»	39
Бернгардовка	40
На кладбище.....	41
Попытка зарегистрировать новую религию	42
«Конрадом Валленродом...»	43
«Либеральные критики...»	44

«Болен человек, болен...»	45
«Где же, однако, рабочий класс...»	46
«Горе необщее...»	47
Явление Софии	48
«Ад современный...»	49
«Отпеваньице, урночка...»	50
Памяти о. Павла Адельгейма	51
Памяти Бориса Пустынцева	52
Памяти Натальи Горбаневской	53
«Храм православный в Париже...»	54
«Слава в вышних Богу...»	55
«Тихий зверь по имени мирумир...»	56
«Библионочь над Россией...»	57
«Странно: котлеты по-киевски...»	58
«Зубы синие, зубы зелёные...»	59
«Артефакт прибавляется к артефакту...»	60
«Вызывающий Бога...»	61
«Длится суббота Бога...»	62
«Сознание — зеркало...»	63

В ПОЭТИЧЕСКОЙ СЕРИИ «АВТОГРАФ» ИЗДАНЫ:

- Б. Ахмадулина. Ларец и ключ
- С. Кекова. Короткие письма
- В. Салимон. Невеселое солнце
- И. Лиснянская. После всего
- Ю. Кублановский. Памяти Петрограда
- И. Бродский. В окрестностях Атлантиды
- Н. Кононов. Лепет
- А. Пурин. Евразия и другие стихотворения
- Е. Шварц. Песня птицы на дне морском
- С. Гандлевский. Праздник
- В. Гандельсман. Там на Неве дом...
- В. Дроздов. Стихотворения
- Л. Лосев. Новые сведения о Карле и Кларе
- А. Цветков. Стихотворения
- Д. Новиков. Караоке
- И. Жданов. Фоторобот запретного мира
- Т. Кибиров. Парафразис
- Е. Шварц. Западно-восточный ветер
- Б. Ахмадулина. Созерцание стеклянного шарика
- В. Салимон. Красная Москва
- В. Зельченко. Войско
- Б. Кенжеев. Сочинитель звёзд
- А. Битов. В четверг после дождя
- Л. Лосев. Послесловие
- И. Лиснянская. Ветер покоя
- В. Гандельсман. Долгота дня
- Е. Шварц. Соло на раскалённой трубе
- Т. Кибиров. Интимная лирика
- В. Павлова. Второй язык
- В. Кривулин. Купание в иордани
- М. Ерёмин. Стихотворения
- Б. Ахмадулина. Возле ёлки
- Д. Новиков. Самопал
- Т. Кибиров. Нотации
- В. Соснора. Куда пошёл? И где окно?
- С. Гандлевский. Конспект
- Б. Рыжий. И всё такое...
- П. Барскова. Эвридей и Орфика
- И. Лиснянская. Музыка и берег
- Л. Лосев. Sisyphus redux
- В. Дроздов. Обратная перспектива
- Т. Кибиров. Amour, exil...
- В. Соснора. Флейта и прозаизмы
- В. Гандельсман. Тихое пальто

- В. Павлова. Линия отрыва
- В. Коваль. Участок с Полифемом
- Е. Шварц. Дикопись последнего времени
- Б. Ахмадулина. Пуговица в китайской чашке
- А. Поляков. Орфографический минимум
- Б. Рыжий. На холодном ветру
- В. Соснора. Двери закрываются
- С. Кекова. На семи холмах
- П. Барскова. Арии
- М. Степанова. Тут — свет
- М. Ерёмин. Стихотворения. Кн. 2
- С. Стратановский. Рядом с Чечнёй
- А. Кушнер. Кустарник
- Е. Тиновская. Красавица и птица
- Т. Кибиров. Шалтай-болтай
- В. Гандельсман. Новые рифмы
- О. Чухонцев. Фифиа
- Л. Лосев. Как я сказал
- Е. Шварц. Трость скорописца
- Д. Шереметьев. Улика
- В. Гандельсман. Школьный вальс
- С. Стратановский. На реке непрозрачной
- М. Ерёмин. Стихотворения. Кн. 3
- А. Цветков. Шекспир отдыхает
- В. Волченко. Без охраны
- Д. Воденников. Черновик
- Е. Шварц. Вино седьмого года
- Л. Элганг. о чём пировать
- С. Гандлевский. Некоторые стихотворения
- В. Гандельсман. Исчезновение
- М. Ерёмин. Стихотворения. Кн. 4
- О. Седакова. Всё, и сразу
- Л. Лосев. Говорящий попугай
- П. Барскова. Прямое управление
- С. Стратановский. Смоковница
- В. Гандельсман. Ладейный эндшпиль
- В. Салимон. За лицевую стороной пейзажа
- С. Стратановский. Граффити
- Е. Шварц. Перелётная птица
- М. Степанова. Киреевский
- В. Гандельсман. Читающий расписание
- В. Гандельсман. Видение
- С. Стратановский. Иов и араб
- М. Ерёмин. Стихотворения. Кн. 5
- В. Гандельсман. Аркадия
- С. Стратановский. Молотком Некрасова

С 83

Стратановский С.

Молотком Некрасова. Книга новых стихов.

— СПб.: «Пушкинский фонд», 2014. — 68 с.

ISBN 978-5-89803-242-5

ББК 84. Р7

Стратановский Сергей Георгиевич

Молотком Некрасова

«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 2014

Редактор *Г. Ф. Комаров*

ЛР № 071541 от 21 ноября 1997 года

«Пушкинский фонд»

191186, Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, 12

Тираж 300 экз. Заказ № 107

Отпечатано в типографии ООО «ИПК БИОНТ»

199026, Санкт-Петербург, Средний пр., дом 86

Тел.: (812)322-6843

